

А. Островский

Богатые невесты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
А11

А11 **А. Островский**
Богатые невесты / А. Островский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 42 с.

ISBN 978-5-4241-2803-5

Комедия в четырех действиях

ISBN 978-5-4241-2803-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А. Островский, 2021

Александр Николаевич
Островский.
Богатые невесты

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Анна Афанасьевна Цыплунова, пожилая дама.

Юрий Михайлович Цыплунов, ее сын, лет 30-ти.

Всеволод Вячеславич Гневышов, важный барин, действительный статский советник в отставке, лет под 60.

Валентина Васильевна Белесова, девица лет 23-х.

Антонина Власьевна Бедонегова, богатая вдова, купчиха, лет под 40.

Виталий Петрович Пирамидалов, мелкий чиновник.

Действие происходит в подмосковной местности, занятой дачами. С правой стороны (от зрителей) садовая решетка и калитка, за решеткой сад; с левой стороны дача Бедонеговой, на сцену выходит деревянная терраса, покрытая парусиной; в глубине роца.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бедонегова сидит на террасе; Пирамидалов выходит из садовой калитки.

Бедонегова. Виталий Петрович! Виталий Петрович!

Пирамидалов. Честь имею кланяться, Антонина Власьевна. Что вам угодно?

Бедонегова. Да подойдите поближе, не укушу я вас.

Пирамидалов. Ах, Антонина Власьевна, я с ног сбился. Их превосходительство... на даче их нет... Вы не видели Всеволода Вячеславича?

Бедонегова. Да я и не знаю совсем, какой он такой ваш Всеволод Вячеславич.

Пирамидалов. Как? Вы не знаете генерала Гневышова, Всеволода Вячеславича?

Бедонегова. Да он холостой?

Пирамидалов. Нет, женатый.

Бедонегова. Так зачем мне и знать-то его! Идите ко мне чай пить.

Пирамидалов. Да помилуйте, какой чай! Мне Всеволода Вячеславича нужно видеть; приказали встретить их здесь в шесть часов. Боюсь, не опоздал ли. *(Смотрит по сторонам.)*

Бедонегова. Виталий Петрович, Виталий Петрович!

Пирамидалов. Что вам угодно?

Бедонегова. Нынешним летом я себе никакого удовольствия не вижу.

Пирамидалов. Ах, очень жалею, очень жалею...

Бедонегова. Переехала на дачу, думала себе удовольствие иметь; а никакого не вижу.

Пирамидалов. Да уж я-то не виноват, Антонина Власьевна.

Бедонегова. Прошное лето здесь жила, много удовольствия себе видела... *(Нежно.)* И вы здесь жили. *(Печально.)* Где вы теперь живете?

Пирамидалов. В Москве, Антонина Власьевна.

Бедонегова. А вот нынче живу, так никакого... *(С сердцем.)* Куда вы это все смотрите?

Пирамидалов. Я уж сказал вам, что Всеволода Вячеславича ожидаюсь.

Бедонегова. Вы фальшивите, – вы какую-нибудь девушку посматриваете!

Пирамидалов. Ну, вот еще, нужно очень. До того ли мне?

Бедонегова. Да, право, так. Какие эти мужчины! Увидят молоденькую девушку – так уж как глаза-то таращат. А разве не все равно вообще весь женский пол?

Пирамидалов(*посмотрев на часы*). Как мне приказано, так я и явился, теперь ровно шесть часов.

Бедонегова. Вы не соседку ли высматриваете?

Пирамидалов. Я вам сказал, что генерала жду. Какую еще соседку?

Бедонегова. А вот что дачу-то напротив наняла, она вчера переехала.

Пирамидалов. Так это моя знакомая, что мне ее смотреть-то! Я и так каждый день ее вижу, да и всегда, когда мне угодно.

Бедонегова. Какого она роду?

Пирамидалов. Роду-то? Роду хорошего.

Бедонегова. Девица?

Пирамидалов. Девица.

Бедонегова. А знакомство какое у ней?

Пирамидалов. И знакомство хорошее.

Бедонегова. Что ж она замуж нейдет?

Пирамидалов. Да почему же я знаю, помилуйте!

Бедонегова. Нет, вы знаете, да только сказать не хотите. Да ведь я все вызнаю, все доподлинно; я ее прислугу выспрошу, вы от меня своих подлостей не скроете. Я вот позову к себе ее горничную девушку чай пить – вот все и узнаю. Виталий Петрович, Виталий Петрович!

Пирамидалов оглядывается.

Приданое есть за ней?

Пирамидалов. Будет приданое богатое.

Бедонегова. А будет приданое, будут и женихи, – где мед, там и мухи. Виталий Петрович, я говорю, что женихи у ней будут.

Пирамидалов. А будут так будут – до меня это не касается.

Бедонегова. Ну, как, чай, не касаться? Деньги всегда до людей касаются.

Пирамидалов(*про себя*). Не бежать ли в рощу? (*Делает несколько шагов и потом останавливается.*) Пожалуй, еще разойдемся; уж лучше здесь подожду.

Бедонегова. Виталий Петрович!

Пирамидалов. Что прикажете?

Бедонегова. Я сама замуж хочу идти.

Пирамидалов. Сделайте одолжение! На здоровье!

Бедонегова. Нет, что же вы так? Вы не подумайте...

Пирамидалов. Я ничего и не думаю.

Бедонегова(*печально*). Я от скуки.

Пирамидалов. Да от скуки ли, от веселья ли, мне решительно все равно.

Бедонегова. Виталий Петрович!

Пирамидалов. Извольте говорить, я слушаю.

Бедонегова. У меня ведь деньги есть, и даже очень много.

Пирамидалов. Ну, и слава богу.

Бедонегова. И вотчина есть.

Пирамидалов. Какая вотчина?

Бедонегова. Дом каменный с лавками.

Пирамидалов. Все это прекрасно, Антонина Власьевна. А вот, кажется,

Всеволод Вячеславич идут.

Бедонегова. Виталий Петрович, как отпустит вас генерал, заходите ко мне закусить, мадерцы выпьем.

Пирамидалов. Пожалуй, поздно будет.

Бедонегова. Да ничего, хоть и запоздаете.

Пирамидалов. Извозчика не найдешь, мне в Москву надо.

Бедонегова. Я вам лошадь дам; так же у меня стоят. *(Уходит.)*

Гневышов и Белесова входят, разговаривая. Пирамидалов почтительно кланяется.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Пирамидалов, Гневышов и Белесова.

Гневышов *(Пирамидалову).* А! Вы?

Пирамидалов. Я-с, ваше превосходительство.

Гневышов. Подождите, мой милый! *(Белесовой.)* Н... да-с, что же далее?

Белесова. Это меня начинает беспокоить.

Гневышов. Ах, мой друг, ну, стоит ли беспокоиться!... Пусть его смотрит. Не обращать внимания, только и всего.

Белесова. Я стараюсь не обращать на него внимания, но не могу. Он не преследует меня; он смотрит всегда издали, из-за угла, из-за куста; где б я ни была, я вперед знаю, что эти неподвижные глаза откуда-нибудь смотрят на меня, – и я сама невольно оглядываюсь и ищу их.

Гневышов. Странно, очень странно. Кто он такой, вы не знаете?

Белесова. Не знаю. В лице есть что-то знакомое, но никак не могу припомнить.

Гневышов. И порядочный человек?

Белесова. Что за вопрос! Разве другие люди существуют для меня? Очень порядочный, иначе я не стала бы и говорить.

Гневышов. А давно это?

Белесова. Не более шести или семи дней.

Гневышов. Где же вы его видели?

Белесова. Везде. Я его встречала и в Москве... а вчера и сегодня здесь. Этот инквизиторский взгляд мне становится страшен; мне кажется, что он устремлен не на лицо мое, а прямо ко мне в душу и требует от меня какого-то ответа, какого-то отчета.

Гневышов. Вы даете значение самой пустой, обыкновенной вещи. Вы преувеличиваете, мой друг.

Белесова. Я ничего не преувеличиваю. Конечно, я не знаю, с какими мыслями он смотрит на меня; я вам говорю только о том, какое действие производит на меня его взгляд. Есть положения, в которых долгий и серьезный взгляд непереносим: в нем укор, в нем обида, он будит совесть. *(С упрёком.)* А вы сами знаете, что мне, для моего спокойствия, надо усыплять совесть, а не будить ее.

Гневышов. Вы стали очень нервны. Успокойтесь; все это объясняется очень просто: этот молодой человек влюблен в вас.

Белесова. Странная любовь! Зачем же он в таком случае бежит от меня? Сегодня утром мы встретились в роще довольно близко, он бросился в кусты и убежал. Мне иногда приходит в голову, не сумасшедший ли он.

Гневьшов. Очень может быть. Вот вам новое доказательство того, какое могущество, какую силу имеет ваша красота: от вас уж буквально люди сходят с ума.

Белесова. Ну, довольно. Пора чай пить, пойдемте!

Гневьшов. Идите, идите, я себя ждать не заставлю. Мне нужно сказать несколько слов Пирамидалову.

Белесова уходит в калитку.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гневьшов, Пирамидалов.

Гневьшов. Я надеюсь, мой милый, что вы аккуратно исполнили то, что я вам говорил?

Пирамидалов. Все исполнил, ваше превосходительство.

Гневьшов. Вы должны помнить, что для знакомства с Валентиной Васильевной я желаю людей солидных, семейных – то что называется людьми вполне почтенными. Нужды нет, если они будут немного старого покроя, это даже лучше: такие люди учтивее в обращении и почтительнее. Где же и взять других? В этой местности люди светские не живут, а хорошие семейства средней руки иногда попадают.

Пирамидалов. Совершенно справедливо, ваше превосходительство.

Гневьшов. Валентина Васильевна желала иметь дачу в местности здоровой и подальше от города, нисколько не заботясь о том, каковы будут ее соседи; но это совсем не значит, чтоб она обрекла себя на одиночество и скуку. Хорошо бы познакомиться с ней какую-нибудь пожилую даму, с которой она могла бы и гулять, и быть постоянно вместе. Ну, говорите, что вы узнали о здешних дачниках.

Пирамидалов. Вот напротив, ваше превосходительство, живет одна дама, богатая вдова, купчиха Бедонегова.

Гневьшов. Вы с ней знакомы?

Пирамидалов. Прошлом лето познакомился.

Гневьшов. Ну что ж, как она?

Пирамидалов. Я полагаю, ваше превосходительство, что для Валентины Васильевны...

Гневьшов. Прошу не полагать и заключений не выводить. Вы только докладывайте по порядку, – а это уж мое дело знать, что нужно и чего не нужно для Валентины Васильевны. Ну, что же эта вдова, эта дама, как вы ее называете... она белится, румянится, пьет мадеру?

Пирамидалов. Так точно, ваше превосходительство.

Гневьшов. Далее?

Пирамидалов. Госпожа Цыплунова.

Гневьшов. Я, кажется, что-то слышал о Цып... Цып... Как?

Пирамидалов. Цыплунова-с.

Гневьшов. Нет, то молодой человек. Он был мне представлен, его мне очень хвалили, как отлично образованного и примерно способного чиновника. Он ваших лет и уж, кажется, надворный советник.

Пирамидалов. Коллежский, ваше превосходительство.

Гневьшов(строго). Ну, вот видите.

Пирамидалов. Это вы про ее сына изволили слышать. Госпожа Цыплунова

дама очень почтенная-с.

Гневышов. Да... дама... ну, что ж эта дама... какое у нее знакомство?

Пирамидалов. Никакого-с. Она ведет уединенную жизнь, не знает ни удовольствий, ни развлечений, живет только для сына; а он человек дикий.

Гневышов. Как дикий? Обдумывайте выражения! Вы всегда прежде подумайте, а потом и говорите. Почему он дикий?

Пирамидалов. Сидит все дома за бумагами да за книгами, не бывает нигде в обществе, даже и у товарищей; бегаёт от женщин. А если с ним женщина заговорит, он краснеет и конфузится. Он все молчит-с.

Гневышов. Неправда, он говорит прекрасно и даже красноречиво.

Пирамидалов. Да, если о делах-с; а с женщинами уж не может.

Гневышов. Так это скромный, а не дикий. Ко всем его прекрасным качествам это еще новое и очень-очень дорогое, и еще более располагает в его пользу. Вы не знаете названия вещи. Я вам говорю, дикий – это... это sauvage... это разрисованный, tatoué... это совсем другое.

Пирамидалов. Виноват, ваше превосходительство!

Гневышов. Ваша развязность может нравиться только таким дамам, как ваша вдова Бедонегова; а его скромность приобретает ему расположение начальства и вообще лиц высокопоставленных. Ну, довольно, других соседей я знать не желаю. Вот вам, мой милый, еще поручение, постарайтесь исполнить его хорошенько!

Пирамидалов. Слушаю, ваше превосходительство!

Гневышов. Познакомьте меня с мадам Цып... Цып... Как?

Пирамидалов. Цыплунова.

Гневышов. Да, Цыплунова. Вы ее сначала предупредите, скажите, что я, генерал Гневышов, желаю с ней познакомиться и познакомить с ней тоже мою родственницу, которая переехала сюда на дачу и будет жить все лето. Слышите, родственницу...

Пирамидалов. Слушаю, ваше превосходительство.

Гневышов. Вы сделайте это сегодня же, сейчас же! Постарайтесь, чтоб я встретил вас с ней во время прогулки!

Пирамидалов. Вы, ваше превосходительство, вероятно, пойдете в рощу...

Гневышов. Совсем не вероятно. Вы слушайте и делайте, что вам приказывают. Чтобы соображать вероятности, надо иметь гораздо больше ума, чем вы имеете. Гуляйте здесь, мимо дач! В рощу я вечером не пойду, потому что там будет сыро.

Пирамидалов. Я сейчас же и отправлюсь прямо к ним на дачу.

Гневышов. Ступайте! *(Уходит в калитку.)*

Пирамидалов уходит в лес. На террасе показывается Бедонегова.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бедонегова, потом Цыплунов и Цыплунова.

Бедонегова *(громко)*. Виталий Петрович, Виталий Петрович! Куда же вы? Подождите немножко! Ушел. Зачем он бегаёт по дачам, чего он там еще ищет? У меня ему уж чего бы лучше, кажется. Как трудно понимать мужчин! А, вот Анна Афанасьевна с сыном! Ах, как он мил! Ах, какой интересный молодой человек!

Входят Цыплунова и Цыплунов.

Здравствуйте, Анна Афанасьевна, здравствуйте, Юрий Михайлович!

Цыплуновы молча раскланиваются.

Сделайте одолжение, зайдите хоть на минуточку чайку выпить!

Цыплунова. Благодарю вас, мы уже пили.

Бедонегова. Юрий Михайлович, когда же, когда же? Долго ли мне ждать-то? Ах, обманщик! Сколько раз вы обещали! Ну, хоть на одну минуту... ну, рюмочку мадеры.

Цыплунов. Извините, – я занят делом весь день и только вечером имею немного свободного времени, чтобы отдохнуть, чтобы воспользоваться прогулкой и подышать чистым воздухом. Я зайду к вам завтра.

Бедонегова. Это я каждый день слышу от вас. И вам не жалко обманывать женщину, которая... с таким чувствительным сердцем?...

Цыплунов. Что делать! К сожалению, я должен признаться, что не могу своей особой доставить много практики для вашего чувствительного сердца.

Бедонегова. Ах, какая скука! Нынешнее лето я так мало вижу удовольствия для себя. Так не забудьте же, завтра я буду ждать вас.

Цыплунов кланяется. Бедонегова уходит с террасы.

Цыплунова. Это грубо, мой друг. Так не говорят с женщинами.

Цыплунов. Как же можно с ней говорить иначе, коли она чуть не бросается на шею каждому мужчине?

Цыплунова. Она богатая вдова, уж в годах; нельзя же требовать от нее, чтобы она вела себя как институтка. Ей скучно жить одной, она хочет выйти замуж и употребляет для этого средства, какие знает. Впрочем, я никогда не слыхала, чтобы про нее говорили что-нибудь дурное; напротив, все ее считают доброй и хорошей женщиной. Да и просто как женщина она имеет право требовать если не уважения, так по крайней мере учтивости с твоей стороны.

Цыплунов. Ах, боже мой, я готов уважать женщин, готов благоговеть перед ними; но зачем же они мелочны, зачем смешны! Вот чего им простить нельзя, не говоря уж о проступках.

Цыплунова. А за проступки ты бы казнил их смертной казнью? Ах, представь ты женщинам жить, как они хотят. Ты слишком тяжелую опеку берешь на себя: ведь их так много, мой друг.

Цыплунов. Чего я не вижу, до того мне и дела нет. Но когда в моих глазах унижается тот высокий идеал, который я себе создал, когда женщины с какой-то навязчивой откровенностью обнаруживают свои самые непривлекательные стороны, – не могу же я не замечать этого. Вот отчего я и избегаю общества и предпочитаю уединение.

Цыплунова. Но разве ты не замечаешь, что уединение губительно действует на твое здоровье? Ты человек деловой, постоянно занят умственной работой, – тебе непременно нужно хоть какое-нибудь развлечение. Юша, твое здоровье начинает меня беспокоить.

Цыплунов. Разве я переменялся?

Цыплунова. Да, очень, особенно в последние два-три дня. Нет ли у тебя чего-нибудь такого, о чем бы нужно было поговорить со мной?

Цыплунов. Нет, решительно ничего.

Цыплунова. Ну, не хочешь ли ты послушать, что я тебе скажу?

Цыплунов. Я готов, извольте.

Цыплунова. Ты скучаешь, Юша?

Цыплунов. Да, я не скрою от вас, я скучаю.

Цыплунова. В твои года любят.

Цыплунов(*со вздохом*). Да, любят, это правда, любят.

Цыплунова. В твои года женятся.

Цыплунов. Да, и женятся.

Цыплунова. И женатые не скучают, им некогда скучать: у них заботы, хлопоты, семейные радости, дети. Кто любит свою жену и детей, тот уж не может скучать.

Цыплунов. Все это правда, совершенная правда.

Цыплунова. Так женись!

Цыплунов. Что вы, что вы? На ком? Разве это возможно?

Цыплунова. Отчего ж невозможно? Значит, пары тебе нет на белом свете, достойных тебя нет? Бедные женщины!

Цыплунов. Может быть, и есть, но где искать их? Я любил не один раз в моей жизни; но вы сами знаете, почему я не женился. Всякий раз моя любовь оканчивалась или горьким разочарованием, или еще хуже, меня просто обманывали.

Цыплунова. И всегда виноват ты сам, потому что ты никогда не даешь себе труда разглядеть хорошенько женщин, которых ты удостоиваешь своей любви, — предполагаешь в них какие-то небывалые добродетели и требуешь от них того, чего в них нет.

Цыплунов. Может быть... но есть еще и другие причины.

Цыплунова. Какие?

Цыплунов. Из уважения к вам, к вашему полу, я бы не желал говорить о них.

Цыплунова. Ах, говори, сделай милость!

Цыплунов. То, что я скажу, очень нехорошо.

Цыплунова. Да говори, говори!

Цыплунов. Быть может, я ошибаюсь, но мне всегда казалось, что женщины отдают явное и очень обидное предпочтение людям нестрогой нравственности и даже иногда порочным перед людьми чистыми. Мало того, к людям совершенно чистым они показывают какую-то ненависть. Извините, мне так кажется.

Цыплунова. И ты думаешь, что сказал что-нибудь очень ужасное про женщин, что-нибудь очень обидное для нас? Так знай же, что женщины совершенно правы в этом случае, — потому что нет более несносных деспотов, как вы, люди чистые. Вы создаете в своем воображении каких-то небывалых богинь, да потом и сердитесь, что не находите их в действительности. Вы, чистые натуры, не только не прощаете, но даже готовы оскорбить любимую женщину, если она не похожа на те бледные, безжизненные шаблоны, которые созданы вашим досужим воображением.

Цыплунов. Как трудно жить на свете!

Цыплунова. Да, для тех, кому досадно, что свет идет так, как надо, а не так, как им хочется, должно быть, действительно трудно. Но что ж делать, этого поправить нельзя. Ну, а теперь ты в кого влюблен?

Цыплунов. Вы думаете, что я влюблен?

Цыплунова. Очень похоже на то.

Цыплунов. Да, похоже.

Цыплунова. Ну, в кого же?

Цыплунов. Помните вы, лет десять тому назад у нас часто бывала одна девочка?

Цыплунова. Мало ли девочек я видала на своем веку?

Цыплунов. Эту забыть нельзя. Ей было лет тринадцать или четырнадцать, но она была совершенный ребенок, вся прозрачная, тоненькие пальчики... Сколько в ней было детского кокетства, как она грациозно встряхивала и закидывала за уши свои пепельные волосы!

Цыплунова. А, помню, – это Белесова, Валентиночка, сирота.

Цыплунов(*задумчиво*). Да, Валентиночка.

Цыплунова. Как это ты об ней вспомнил и зачем? Неужели в мечтах-то у тебя она все еще девочка?

Цыплунов. Да, ангел-девочка!

Цыплунова. И ты не подумал, что она уж теперь большая, переменилась, вероятно подурнела, как это часто бывает, пожалуй и замужем. Да кто знает, жива ли она.

Цыплунов. Я ее встретил недавно, я ее вчера и сегодня видел.

Цыплунова. Узнала она тебя? говорил ты с нею?

Цыплунов. Ах, нет, я испуган, ошеломлен.

Цыплунова. Чем?

Цыплунов. Красотой ее.

Цыплунова. Вот как!

Цыплунов. Она, вероятно, замужем за богатым человеком; какой экипаж, какой костюм, какой гордый взгляд!

Цыплунова. Если ты ее видел здесь – значит, она живет неподалеку на даче. Надо справиться о ней.

Цыплунов. Нет, зачем! Мне хотелось только взглядеться хорошенько в нее; а то теперь в моем воображении ее детский образ и женский сливаются в каком-то странном сочетании: детская чистота как-то сквозится из-под роскошной женской красоты. (*Опускает голову в задумчивости.*)

Цыплунова. Нет, Юша, ты или возобнови знакомство с ней и узнай ее хорошенько, или выкинь вздор из головы и уж не мечтай о ее детской чистоте, а то эта мечта мешает тебе видеть других женщин, которые, может быть, гораздо лучше ее и более достойны твоей любви.

Цыплунов. Да, да, может быть... это все может быть. Но, я пойду... мне нужно рассеяться... я пойду поброжу... я один... (*Уходит.*)

Цыплунова. Как это некстаги! Зимой Юша был болен и много работал; я думала, что он отдохнет и поправится на даче; а теперь эта встреча, эта страсть! Что она может доставить ему, кроме страдания! У кого бы узнать про Белесову? А вот, кажется, бежит Пирамидалов; он кругом Москвы все дачи и всех дачников знает, да и в Москве-то от него ничто не скроется.

Входит Пирамидалов. Бедонегова показывается на террасе.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Цыплунова, Пирамидалов, Бедонегова.

Бедонегова. Виталий Петрович! Виталий Петрович!